

В краю Тургенева и Фёта

«Я В ЛЮДЯХ НЕ ИСЧЕЗНУ БЕЗ СЛЕДА...»

В нынешнем году поэту Николаю Михайловичу Перовскому исполнилось бы 85 лет. Он не помнил даты своего рождения, но близкие отмечают его день рождения в декабре.

Николай Михайлович родился в 1934 году в слободе Михайловка Курской области. В три года остался без родителей, воспитывался в детском доме в той же слободе. В 1941 году вместе со всем коллективом детского сада был эвакуирован в Казахстан. С 1945 года беспризорничал, потом учился и работал в колхозе пастухом, водовозом, помощником комбайнёра. Среднюю школу села Юсуповки Джамбульской области Николай Перовский окончил с серебряной медалью, поступил в Московский горный институт. Затем работал на целине, обогатительной фабрике в Донбассе, в шахте в Воркуте. В 1957 году переехал в Белгородскую область и поселился в городе (в те годы — селе) Шебекино. Пробовал себя в разных профессиях: почтальон, учитель, клубный работник. Первые стихи Перовского появляются на страницах белгородской газеты «Ленинская смена» в 1957 году. В Белгороде были изданы два сборника его стихов: «Звёзды делает человек» и «Голуби, голуби...»

В 1976 году Перовский с женой Лидией Ивановной и дочерью Маргаритой перебирается на постоянное жительство в Орёл.

Большая часть изданных им книг — поэти-

ческие сборники, которые выходили в Белгороде, Москве, Воронеже, Туле, Орле. В 1983-м и 1991 годах были опубликованы два его сборника повестей и рассказов. Множество публикаций

произведений Николая Перовского состоялось в областных и центральных периодических изданиях (журналах «Невский альманах», «Молодая гвардия», «Новый мир», «Октябрь», «Ясная поляна»).

Николай Михайлович Перовский — член Союза писателей СССР с 1964 года. Поэт, прозаик, автор более двадцати книг.

Лирику Николая Перовского отличают острое, почти болезненное мировосприятие, глубокое чувство природы, созвучное бесприютным странствиям его собственной души по творческим и философским дорогам, а также яркие и точные детали, взятые из повседневной, обычной жизни и пронзительных воспоминаний детства. Сложность земного мира иногда сильно диссонировала с непростыми душевными поисками автора и, переданная искренним поэтическим словом, никогда не оставляла читателя равнодушным. Поэтический мир, созданный Николаем Перовским, захватывает, волнует, увлекает, заставляя читателя восстаивать или смиряться, восторгаться или тревожиться, познавать и открывать заново окружающую жизнь и самого себя.

При жизни Николай Перовский не был удостоен правительственных наград и престижных литературных премий. Его награда — опубликованные книги, любовь и признательность читателей.

**Светлана Голубева,
член Союза писателей России**

Я не думал, откуда взялась
и с такой прямотой воплотилась
неподсудная разуму власть —
обращать наказание в милость.

Я стоял, не стыдясь своих слёз,
между звёздами и зелеными,
и меня не тревожил вопрос,
что считать в этом мире корнями.

В РАЙЦЕНТРЕ

В райцентре хоронили старика,
не знаю, кем он был на белом свете,
плыла машина, плыли облака,
старухи, старики, деревья, дети...

А на его рассудочном лице
такое затаилось выраженье,
как будто это он привёл в конце
весь мир в одностороннее движенье.

Над лугом плывут отсыревшие звуки —
хрипят пастухи и заходятся псы,
заря сквозь туман — от излома излуки —
раскинула до песчаной косы.

Сидеть бы и мне на замшелой коряге,
на тоненький пруттик низать пескаря
с лицом, отражённым от радужной влаги,
с душой, что проснулась ни свет ни заря.

Высокие годы, тяжёлые воды
туманом окутали душу мою,
стою словно пасынок мирной природы,
над бездной тумана, на самом краю.

КАРТИНА

Воды Орлика спокойны,
холодны и зелены.
Дух болотный, запах хвойный,
ожидание луны.

Шелестят в ночи деревья,
камьши в воде по грудь.
Дремлет город. Спит деревня.
Проплывает Млечный Путь...

ЖУРАВЛИ

Клином, караваном, вереницей
вместе от начала до конца
проплывают медленные птицы —
задираем головы и лица,
простираем руки и сердца!

Как летят — привыкнуть невозможно!
В стае облаков белым-белы,
дарят нам печально и тревожно
влажное гортанное «Курлы!»

Долетят до моря и растают,
но на радость жителям земли
журавли не только улетают,
но и прилетают журавли!

БОМЖ

Попросил прикурить у бомжа,
он смугился на долю минутки,
а потом, суетясь и дрожа,
протянул мне «бычок» самокрутки.

И, потешно тряхнув головой,
он как будто на миг возгордился:
дескать, видишь, браток, я живой,
я кому-то ещё пригодился!

Что-то шептал мне на кухне обкраденный
жизнью старик,
гневом косила старуха, годами горбата,
в комнате девушки я проглотил свой
проклятый язык,
плыл и тонул на кушетке между Тверским
и Арбатом.

Свет был погашен и на небе не было туч,
время смешалось, в созвучьях запутались
строки,
луч безымянной звезды, прибудившийся луч,
словно космический цензор, просвечивал
дивные строки.

Конские гривы и крупы размыло на чёрной
стене, —
где ты, куда унесло тебя, дикий детёныш?!
Будь милосердна, не я себя создал,
пригрезилось мне
что-то такое, чего на Коньке-горбунке
не догонишь...

Кто я и что я, зачем я родился на свет?
Что выразить языком и к чему прикасаться
руками?
Предназначение моё уничтожил почти
неизвестный поэт —
так, между делом, восемь неземными
строками.

НОЧНЫЕ ГОРОДА

Ночные города — моя беда.
Так просто потерять покой и веру,
когда всё спит, всё немощно когда,
а ты один мотаешься по скверу.

Лишь ветер пробежится по листве,
да по трамвайным рельсам что-то звякнет,
а то в твоей бессонной голове
сладчайшим бредом вспыхнет и иссякнет.

Да ветер ли? И кажется тебе,
что нет, не ветер — что-то там иное,
причастное ко всей людской судьбе,
витийствует, витая над тобою.

Оно, наверно, ждёт, что я усну.
Я не усну, я слишком старый сторож,
пересидевший не одну луну
в многоэтажных каменных просторах.

Дочери

На пепелища и кресты,
на лист черновика
посмотрит мудрость с высоты,
а глупость свысока.

На облетевшие цветы,
на пляску мотылька
посмотрит мудрость с высоты,
а глупость свысока.

Служанка вечной суеты —
судьба — во все века
на тех, кто смотрит с высоты,
взирает свысока.

ФИЛОСОФ

Как-то раз в его серое здание
заглянула ночная звезда, —

Две тыщи лет из года в год
дух торжествует над каноном
и каждый праздничный восход
кропит пасхальным перезвоном.

ТЕАТР

Душа и разум знают цену
самим себе, но вот вопрос:
взойдя на жизненную сцену,
что принимать на ней всерьёз?
Где башмаки, а где котурны,
где языки, а где клинки?
А в добродетели дежурной
злодейства зреют ли ростки?

И если спрятался под маской,
то соответствовать изволь,
но знай, что жизнь не стала сказкой,
что роль — она и в жизни роль.
В порфире Лира или Кира,

и мучительный смысл мироздания для него приоткрылся тогда. И утратил он имя и отчество, и забросил земные дела, — золотые плоды одиночества стал он прятать в утробу стола. Но в погоне за стилем отточенным Он забыл, что живёт на земле, — и в мозгу завелась червоточина, древогочец завёлся в столе. Утопая в чаду сомнения, отвергая хвалы и хулы, ждал прозренья — дождался сомнения, уколовшего тоньше иглы… И ночами, гонимый бессонницей, заполняя бесцельный недуг, стал копатья он в собственной совести — докопался и выяснил вдруг: все родные и близкие вымерли, навсегда позабыли друзья — ветры времени начисто вымели дух добра из его бытия. Подошёл он, шатаясь, к столу, — и костёр запылал на полу… Но страшней, чем бегут от пожарища, он бежал от себя самого, и увидел цветущий боярышник, и смертельно вцепился в него… Не ищите могилу философа, — Вы её не найдёте пока: он всё бродит с пастушеским посохом и степные пасёт облака.

Лета к суровой прозе клонят…

А.С. Пушкин

Ещё заигрываю с музой, отодвигая день и час, когда я стану ей обузой, как постаревший ловелас.

Игра — в природе человека, тасует страсти шар земной, но я в течение полувека был верен музе, ей одной.

Мы накануне расставанья. Уж не поплакаться ли мне — пусть не в жилетку мироздания, а лишь в подол своей жене?!

И всё окончится чудесно: моя законная жена своей сопернице небесной воздаст сторицею сполна!

ВЕСНА
Давай, зима, на посошок пригубим мартовской капли! По свету носится слушок, что на подлёте птичьи трели.

Весна с грачами на слуху. Однажды ночью лопнут почки, проснётся верба вся в пуху, и лес в зелёной оторочке.

А этот зябкий березняк и этот паводок весенний — вселенский праведный сквозняк в канун Христова воскресенья.

держа вселенную в горсти, ты не забудь, владыка мира, в канаве место припасти.

ПРОЗРЕНЬЕ
Памяти Сергея Наровчатова
Бывает острое прозренье, как взрыв в мозгу, что ты живой, что ненависть, любовь, горенье в тебе, с тобой и над тобой.

Ты только вскрикни, хлопни дверью или засмейся — просто, вдруг — и тут же ветер и деревья тебя затаянут в общий круг.

В тот милый круг, где всё живое, где наслаждение и боль, где правят общею судьбою горенье, ненависть, любовь.

Мы в общем хоре все — солисты, и даже тот, кто безголос, в своём особенном регистре доносит шёпот свой до звёзд.

Гляди! Пушистый жеребёнок резвится, пляшет, травы бьёт, — почти духовный, как ребёнок, почти абстрактный, как полёт.

На переломе и на стыке, на тонкой дужке коромысл струится космос безъязыкий, времён и судеб тайный смысл.

И, может, высшая минута тебе даётся для того, чтоб лишь коснуться абсолюта, а не ослепнуть от него.

ПАУТИНА
Паутина в осиновых чашах, паутина в берёзовых рощах, сизый морок по миру летящий, укрывает и выгон, и площадь.

По тропинкам опавшего сада, по дорожкам увядшего луга прохожу я, пастух листопада, паутиной опутанный туго.

Разомлев от теплыни в полыни, пауки понаделали пряжи, запропала земля в паутине, и никто не заметил пропажи.

КОРНИ
Был я болен и тем виноват перед миром людей и растений, но однажды ушёл я в закат — провожать удлинённые тени.

Я присел у слепого костра, согревая озябшие руки, и осенняя ночь, как сестра, обняла меня после разлуки.

А когда от земного огня глянул на небо в звёздных накрапах, мне почудилось, что зелены источают младенческий запах.

Сдвигалось и смещалось всё окрест, живое и бессмертное покамест, и старый домкультуровский оркестр шёл во хмелю, хрипя и спотыкаясь,

И довели до места, и снесли к пределу, где кресты стояли косо, и с каждым комом сброшенной земли слабее становился запах тёса.

И стали расходиться, и оркестр куда-то поспешал на именины, а мне казалось, вбитый в землю крест ухмылкой провожает наши спины.

ДИОГЕН
Вышел я в полдень с ночным фонарём, стал я искать человека. Встретился с деревом и с муравьём — что за оказия? Эка!

Тот лихоимец, другой лиходей… Вдруг я споткнулся — и в яме, глядь, а вокруг меня тыщи людей — все, как один, с фонарями…

ВРЕМЯ
Рыхлая баба снимает бельё с узловатой верёвки, пьяный мужик перекрыл своей грудью канаву, как дзот, клёны роняют листву, балансирует голубь на бровке, в мире мистерий на цыпочках Время идёт.

Время шутя проникает в любую лачугу и крепость — вечный свидетель зачатий, смертей и стирки белья, лепит из наших ничтожных страстей героический эпос и надзирает за нами в тюремном кругу бытия.

СТЕПНОЕ ОЗЕРО
Я увидел степное озеро, когда на нет сошла луна: вода густая, как молозиво, прохладных лилий белизна.

Дымилась гладь его зеркальная, похоронившая луну, созвездия зодиакальные, отсыревая, шли ко дну.

А на закате бледно-розовом бессмертники и ковыли головки свесили над озером и к водопою прилегли.

И вслед за жаркими зарницами на берег хлынули лучи с людьми, отарами и птицами, перворождёнными в ночи.

ТУМАН
Туман занавесил цветы в луговине, и зелень примята тяжёлой росой, рыбак по колени в тумане, как в глине, висит с удилищем над сонной рекой.

РЫНОК
Не пишется, не пьётся, не поётся, и всё-таки пишу, пою и пью. Гляжу на дно забытого колодца И собственную душу узнаю.

А по ночам отдёргиваю шторы, и лунные лучи, ложась на стол, безжалостные, словно кредиторы, бракуют и бракуют мой глагол.

Но горд, как лорд, и кроток, словно инок, я заново сплетаю кружева, сегодня на земле и в небе рынок, а мой товар — слова, слова, слова…

УГЛЫ
В городе было четыре угла. Всё остальное стгорело дотла. То ли судьба в наказанье сожгла, то ли надежда на откуп взяла.

В комнате было четыре угла. Женщина в ней одиноко жила. Чистила коврики, мыла полы, в синих глазах отражались углы.

Жил в этом городе тихий чужак, в небе снимал обветшалый чердак, думал о чём-то, не зная — о чём, приворожённый рассветным лучом.

Женщина гордо по городу шла, светлую голову в небе несла. — Боже! — вскричал потрясённый чужак. — Будь милосерден, обрушь мой чердак!

Не помогают скопища слов, в городе сделалось восемь углов.

В МЕРЗЛЯКОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ
Не потому, что от неё светло, а потому, что с ней не надо света. Ин. Анненский

А в Мерзляковском среди тараканьих бегов Анненский плыл между узенькими берегами. Спал я, как будто на теле пестреющих летом лугов, весь от подошв до макушки обросший лугами.

Плыли и таяли восемь таинственных строк, напоминая, какой я бездарный и жалкий, строки, которым, по слухам, завидовал Блок,плыли и таяли в грязной глухой коммуналке.

Спал и не спал я, как будто бы жил и не жил, в мире протраций, диковинных ассоциаций, Богу ли, дьяволу душу свою заложил ради восьми этих строк неподсудных мне граций.

Я не за плату — плата мне не впрок, я не за славу — спят владельцы славы, куда мир плетёт себе венок, я должен охранять цветы и травы.

ЗВЕЗДА УПАЛА
Звезда упала в женские ладони, и пошатнулась женщина, смеясь, а в озарённом искрою затоне огнём желанным лилия зажглась.

В безумии рыбак отбросил снасти, возжёт от жаркой искорки костёр и к женщине, слабеющей от страсти, свои ладони тяжкие простёр.

Цветы и травы бросились в объятья, и судорога прошла по глади вод, а пламя непорочного зачатья зеркально отошло на небосвод.

ОСЕННИЕ СТИХИ
1
Об осени писать — какой наглеч! — О ней не раз великие писали… Но как же быть, когда соседний лес опять, опять в безлиственной печали? Как не писать, когда в сухой стерне старинный горьковатый запах грусти, а в блеклой, отпылавшей вышине всё тот же плач несут над нами гуси? И будет так за окнами темно! Случайный, а быть может, не случайный ворвётся ветхий лист в моё окно, хрустящий, как пергамент, полный тайны… И я бегу из дома! И до слёз все так необъяснимо и так близко… То листья подымаются до звёзд, то звёзды опускаются на листья…
2
Кружитесь, листья, падайте на грудь, ложитесь мне на голову и плечи! И пусть ваш золотой и краткий путь с путём пересечётся человечьим. Какая между нами в мире связь? Какие у нас общие законы? И с горечью я провожаю вас, как будто бы в последний путь знакомых… Ну что ж, прощайте, листья! Не беда. Весной из вас взойдут густые травы. Я в людях не исчезну без следа — и в этом мы похожи, в этом правы…

